

Гуманизм без берегов

Морис Бежар поставил балет о матери Терезе

В балетной школе Мориса Бежара готовят универсальных артистов.

Майя Крылова

7.04. Балет «Мать Тереза и дети мира». Танцевальная компания Мориса Бежара. ГКЦЗ «Россия».

Были времена, когда кумира европейской молодежи Мориса Бежара в России ждали как откровения. И хотя его балеты доходили до нас с большим опозданием, это было подобно дождю в пустыне. Теперь и 75-летний мэтр к нам зачастил, и спектакли его привозят с пылу с жару. Премьера балета «Мать Тереза и дети мира» состоялась в октябре прошлого года, а в апреле нынешнего постановку уже показывают в Москве.

При своей компании «Балет Лозанны» Бежар имеет балетную школу с индийским названием «Рудра». Там готовят универсальных артисты:

шесть дней в неделю их учат не только танцевать классику с модерн-дансом, но и петь, вникать в музыкальный и пластический ритм, играть в драме, по-японски орудовать мечами в стиле кендо. В какой-то момент Бежару так понравились его собственные ученики, что он не смог допустить их ухода в другие театры. И создал себе молодежную труппу – «Компанию М» («М» означает, естественно, бежаровское имя Морис). Для младшеньких и создан спектакль о матери Терезе Калькуттской. По мнению Бежара, балет как вид искусства, имеющий сакральные корни и до сих пор наиболее близкий к литургии, очень подходит для рассказа о католической святой.

Хореограф не был лично знаком с матерью Терезой, но тщательно изучил ее биографию и книги. Просвещенный

европеец, в детстве посещавший католический колледж, и мусульманин шиитского толка, он не может не восхищаться женщиной, которая всецело предана христианству – и вместе с этим открыта всему человечеству. Для Бежара, гуманиста старого закала, такая внутренняя свобода и безбрежная толерантность – высший пилотаж личности. Его спектакль вдохновлен тем же чувством, что рождало подвижничество Терезы Калькуттской: удовольствием от многообразия рас, народов и культур.

Как и многие постановки Бежара, «Мать Тереза и дети мира» – не балет в чистом виде, но монтаж разных видов танца с оперой, пантомимой, произносимых «в кадре» и за «кадром» текстов. Запад сходится с Востоком, и, если в одном углу сцены делают классический экзерсис, то в другом –

медитируют по системе индийской йоги. В главной роли – бывшая прима-балерина Штуттартского балета, чилийка по происхождению, Марсия Хайде.

Хореограф раскрывает «символ веры, религию, общественную и личную жизнь» самой замечательной женщины двадцатого века, но без пересказа подлинной биографии: «Признаюсь, я не хотел бы, чтобы танцовщица играла мать Терезу во всем известном бело-голубом сари. Я не люблю проводить прямые аналогии. Мы видим женщину, преподающую танец детям. В ее уста мы вложили слова, когда-либо сказанные или написанные матерью Терезой. Преподаватель танца ведет себя, как Тереза, – она кормит рисом голодных. Каждый волен решать, видел ли он известную Терезу из Калькутты или нет».